

А.С. Воронов

**Федор Иванович Янкович де
Мириево, или Народные
училища в России при
императрице Екатерине II**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.С. Воронов**
Федор Иванович Янкович де Мириево, или Народные училища в России при императрице Екатерине II / А.С. Воронов – М.: Книга по Требованию, 2017. – 170 с.

ISBN 978-5-518-08539-8

ISBN 978-5-518-08539-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

званъ былъ въ Россію для великаго дѣла устройства народныхъ училищъ въ 1782 году, въ то время, когда густая тьма невежества покрывала еще все пространство обширной нашей имперіи. Учебныя заведенія были только въ столицахъ; внѣ ихъ ученіе происходило въ немногихъ духовныхъ училищахъ въ нѣсколькихъ городахъ имперіи; гимназія, кромѣ Москвы и Петербурга, была въ одной Казани; кое-гдѣ занимались еще обученіемъ юношества недоучившіеся дьячки, или шарлатаны-иностранны, нашедшіе у насъ въ званіи учителя выгодное для себя ремесло. Въ городахъ не только маленькихъ, но и большихъ не было никакого правильнаго ученія, а о селахъ и говорить нечего (1).

Биографическія свѣдѣнія объ Янковичѣ, къ крайнему сожалѣнію нашему, весьма не полны, а потому въ статьѣ нашей мы преимущественно должны ограничиться официальной его дѣятельностью. Фамилія Янковичей была одна изъ древнѣйшихъ дворянскихъ фамилій и владѣла близъ Бѣлграда селомъ Миріево. Когда турки овладѣли Сербіею, Янковичи вмѣстѣ съ многими знатными сербами переселились въ 1459 году въ Венгрію. Здѣсь, въ продолженіе многихъ столѣтій, отличались они геройскими подвигами въ войнахъ противъ турокъ, за что Императоромъ Леопольдомъ I-мъ пожалованы были важными преимуществами. Имѣніе ихъ находилось въ Темешварскомъ Банатѣ, на правой сторонѣ рѣки Темеша, въ двухчасовомъ разстояніи отъ Уйпеча; это было мѣстечко Рудна, имѣвшее православную церковь и населенное илиріянами, исповѣдывавшими православную вѣру. **Ө. И. Янковичъ** родился въ 1741 г., въ мѣстечкѣ Камениць-Сремской, близъ Петервардейна, а окончательное образованіе получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ юриспруденцію, камеральные предметы и науки, касающіяся внутренняго государственнаго благоустройства и дохода. Этимъ обстоятельствомъ можно объяс-

---

(1) Исключеніе представляютъ только Остзейскія и смежныя съ Польшею губерніи, гдѣ были училища во многихъ мѣстахъ. См. «Матеріалы для Исторіи Просвѣщенія въ Россіи», Кеннена, С. Петербургъ, 1827 г.

нить особенную любовь его къ наукамъ реальнымъ, отразившуюся въ его взглядѣ на народное образованіе. Первоначально Янковичъ поступилъ на службу секретаремъ къ Темешварскому православному епископу Викентію Іоанновичу Видаку, бывшему впоследствии архіепископомъ Карловацкимъ и митрополитомъ всего Иллирійскаго Славянскаго народа. Здѣсь, при знаніи разныхъ языковъ и миролюбивомъ характерѣ, оказалъ онъ большія услуги Правительству, внушая православному духовенству чувства приверженности къ престолу и поддерживая въ немъ миръ и согласіе съ католическимъ духовенствомъ и народомъ римско-католическаго исповѣданія. Потомъ въ 1773 г. Янковичъ опредѣленъ былъ первымъ учителемъ и директоромъ народныхъ училищъ въ Темешварскомъ Банатѣ, гдѣ дѣятельность его по устройству училищъ обратила на него вниманіе правительства: въ 1774 г. Императрица Марія-Терезія пожаловала ему дворянское достоинство Австрійской имперіи, съ присовокупленіемъ къ настоящей фамиліи названія де-Миріево, по имени села, принадлежавшаго предкамъ его въ Сербіи. Въ грамотѣ сказано: «мы благосклонно примѣтили, видѣли и узнали его хорошіе нравы, добродѣтель, разсудокъ и дарованія, о которыхъ намъ съ похвалою донесено» и проч.

Въ 1782 г., по указанію Императора Іосифа II-го, Императрица Екатерина II-я вызвала Янковича въ Россію, «какъ чловѣка, трудившагося уже въ устроеніи народныхъ школъ въ земляхъ владѣнія Его Величества Императора Римскаго, какъ знающаго языкъ Россійскій и нашъ православный законъ исповѣдывающаго» (1).

Съ этого времени Янковичъ посвятилъ всего себя новому своему отечеству, и втеченіе двадцати слѣдующихъ лѣтъ трудился на пользу его неутомимо и съ самоотверженіемъ, исправляя должность директора народныхъ училищъ съ 1-го января 1783 г. по 27-е августа 1784 г., директора главнаго народна-

---

(1) Архивъ Герольдіи Правительствующаго Сената, Дѣло № 736, о внесеніи герба рода Янковичевъ де-Миріево въ общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской Имперіи и «Матеріалы для Исторіи Просвѣщенія въ Россіи», Кеппена, стр. 95.

го училища по 27-е мая 1785 г., учонаго чиновника при комиссіи училищъ по 11-е января 1796 г., члена комиссіи училищъ по 8-е сентября 1802 г., и наконецъ члена главнаго правленія училищъ. Въ послѣдніе годы, съ 1803 г. до самой смерти своей, послѣдовавшей 22-го мая 1814 г. ⁽¹⁾, онъ страдалъ совершеннымъ истощеніемъ умственныхъ и физическихъ силъ, естественнымъ слѣдствіемъ чрезмѣрныхъ его трудовъ. «Я обязанъ», говоритъ Аделунгъ, благодущію Янковича отличнымъ экземпляромъ имъ обработаннаго словаря ⁽²⁾, но его совершенно угасшая память не позволила ему сообщить мнѣ подробностей о павшемъ на него выборѣ Императрицы, о планѣ его труда, пособіяхъ и т. п. ⁽³⁾.

Отличительными чертами характера Янковича были прямота, соединенная съ скромностью, необыкновенная акуратность, безукоризненная честность и строгая набожность безъ всякой примѣси религіозной нетерпимости, чѣмъ онъ заслужилъ уваженіе еще во время службы своей въ Австріи. Въ пріемной залѣ г. Министра Народнаго Просвѣщенія есть портретъ Янковича; черты лица правильныя и строгія выражаютъ невозмутимое спокойствіе и непреклонную силу воли; напудренные волосы составляютъ рѣзкій контрастъ съ черными бровями, расходящимися вверхъ подъ угломъ и осѣняющими блестящіе темнокаріе глаза; широкая грудь и полный станъ обличаютъ крѣпкое тѣлосложеніе. Вообще на портретѣ видѣвъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, но еще бодрый, свѣ-

---

⁽¹⁾ Прахъ его погребенъ въ С. Петербургѣ, на кладбищѣ Александровско-Невской Лавры.

⁽²⁾ Здѣсь говорится о сравнительномъ словарѣ всѣхъ языковъ, составленномъ Янковичемъ въ 1790—1791 г. по порученію Императрицы, о чемъ подробно изложено будетъ ниже.

⁽³⁾ *Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde*, von Fr. Adelung, 1815, стр. 94. Въ изданной нами въ 1849 г. книгѣ «Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С. Петербургскаго Округа съ 1715 по 1828 г.», на стр. 39-й, годъ смерти Янковича ошибочно показанъ въ 1803 году, что и считаемъ нужнымъ исправить настоящею оговоркою; точно также и Аделунгъ невѣрно относитъ смерть Янковича къ 1813 году.

жій и энергическій. По соображенію о лѣтахъ Янковича и по напудреннымъ волосамъ мы заключаемъ, что портретъ этотъ списанъ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Представивъ эти скудыя данныя о частной жизни Янковича, мы должны бы были перейти къ подробному изложенію его педагогической дѣятельности въ нашемъ отечествѣ; но желая придать статьѣ нашей возможную полноту и оконченность, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать предварительно краткій обзоръ учебной и воспитательной части въ Россіи со времянъ Петра Великаго до эпохи учрежденія народныхъ училищъ при Императрицѣ Екатеринѣ II. Тогда только мы поймемъ, на какой почвѣ долженъ былъ трудиться Янковичъ, какими препятствіями сопровождалось у насъ учрежденіе народныхъ училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрнѣе оцѣнимъ средства, принятыя правительствомъ для достиженія предположенной цѣли. Обвиняя такое множество предметовъ еще недостаточно обработанныхъ, обзоръ нашъ не можетъ имѣть притязанія на строгую критическую оцѣнку избранной нами эпохи, а представляетъ только нѣкоторые выводы изъ матеріаловъ, находившихся у насъ подъ рукою, или заключаетъ въ себѣ указанія на предметы, требующіе еще подробнаго изученія. Поэтому мы придали статьѣ нашей приличное ей, по нашему мнѣнію, названіе: «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ XVIII вѣкѣ.»

При вступленіи на престолъ Императора Петра Великаго единственными разсадниками образованія были у насъ Кіевская Духовная Академія, называвшаяся тогда Коллегією (основ. 1589 г.) и Московская Духовная Академія, носившая названіе Греко-Славяно-Латинскаго или Законоспасскаго училища (основ. въ 1682 г.). Здѣсь впервые у насъ ученіе сложилось въ систему и приняло опредѣленный характеръ, имѣвшій болѣе или менѣе рѣшительное вліяніе на наши училища не только духовныя, но и отчасти свѣтскія. Поэтому весьма важно опредѣлить духъ ученія и характеръ воспитанія въ первыхъ нашихъ духовныхъ академіяхъ, и особенно Кіевской,

долго служившей образцомъ для всѣхъ прочихъ духовныхъ училищъ.

Кіевская Духовная Академія, первая по времени учрежденія, устроена была въ свою очередь по образцу иностранныхъ коллегій и академій, отъ которыхъ она заимствовала не только направленіе ученія, но и вышній порядокъ училищнаго устройства и даже самыя названія классовъ и должностныхъ лицъ.

Въ отношеніи учебнаго курса Академія во времена Петра Могилы, управлявшаго ею съ 1631 по 1647 годъ, раздѣлялась на два отдѣленія: низшее и высшее; воспитанники младшаго отдѣленія: назывались скромнымъ именемъ учениковъ, старшаго — студентами. Весь курсъ распределенъ былъ по восьми классамъ ⁽¹⁾, изъ которыхъ шесть составляли низшее отдѣленіе и два — высшее.

Въ первомъ классѣ, называвшемся *аналогією* или *фарою*, учили читать и писать на трехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и славянскомъ; въ слѣдующихъ трехъ классахъ, носившихъ названіе *инфимы*, *грамматики* и *синтаксисы*, учили постепенно грамматикѣ выше означенныхъ трехъ языковъ и упражняли учениковъ въ переводахъ съ нихъ на отечественный языкъ; кромѣ того проходили православный катихизисъ, ариметику, нотное пѣніе и отчасти музыку. Въ пятомъ классѣ *поэзіи* или *міѳтики* преимущественно занимались стихосложеніемъ латинскимъ и разными его родами и видами; изрѣдка только сообщались воспитанникамъ немногія правила стихосложенія отечественнаго. Низшее отдѣленіе заключалось классомъ *риторики*, состоявшей обыкновенно изъ трехъ частей: объ изобрѣтеніи, расположеніи и выраженіи, и имѣвшей главнымъ предметомъ научить воспитанниковъ писать бывшія тогда въ большой модѣ рѣчи поздравительныя, благодарственныя, привѣтственныя и т. п.

---

(1) Не считая приходскаго, въ которомъ обучали чтенію и письму на славянскомъ языкѣ.

«Питомцы Академіи, говоритъ Преосвященный Макарій, спѣшили провозносить ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ предъ знакомыми и даже незнакомыми людьми, знатными и незнатными. Этимъ приобрѣтали они себѣ иногда небольшую славу, а всегда хлѣбъ насущный.»

Въ философскомъ классѣ, кромѣ философіи, обучали еще геометріи и астрономіи, а въ богословскомъ, независимо отъ богословія, излагалась еще гомилетика (наука о церковномъ проповѣдничествѣ); руководствомъ для философіи служилъ преимущественно Аристотель, а для богословія — Тома Аквинатскій; послѣдній предметъ проходилъ съ особенною подробностью, а потому полный курсъ его продолжался четыре года, курсъ философіи — два года, а для прочихъ классовъ назначался только одинъ годъ (1).

Сравнивъ этотъ курсъ съ курсомъ ученія въ іезуитскихъ коллегіяхъ Западной Европы, мы увидимъ, что онъ составляетъ близкій съ него сколокъ: и тамъ классы раздѣлены были на два отдѣленія:

I. *Studia inferiora* съ 5 классами: 1) *Infima classis grammaticae* 2) *Media classis grammaticae*, 3) *Suprema classis grammaticae*, или синтаксисъ, 4) *Humanitas*, 5) *Rhetorica*; недостаетъ только низшаго класса *фары*, который въ 1774 году упраздненъ былъ и при Кіевской Академіи (2).

II. *Studia superiora* съ двумя классами: философскимъ и богословскимъ. Даже самое число лѣтъ, назначенныхъ на ученіе, здѣсь и тамъ одинаково (3). Но еще важнѣе этого внѣшняго сходства въ числѣ предметовъ и распредѣленіи ихъ по классамъ мы считаемъ сходство въ изложеніи философіи и богословія въ духѣ схоластическомъ; вслѣдствіе этого направленія, лишеннаго внутренняго содержанія, у насъ водворилъ

---

(1) «Исторія Кіевской Духовной Академіи», соч. Макарія Булгакова, стр. 54, 62, 69 и 78.

(2) «Исторія Кіевской Академіи», стр. 125. Классъ этотъ, слившись съ классомъ инфимы, получилъ названіе информаторскаго класса.

(3) *Geschichte der Pädagogik von C. v. Raumer*, 3 изд., томъ I, стр. 334—342.

ся на долго формализмъ въ преподаваніи всѣхъ наукъ, изученіе буквы, а не духа ихъ, пристрастіе къ формѣ и пренебреженіе живой сущности предмета.

Схоластика въ этомъ смыслѣ образовалась въ средніе вѣка; цвѣтущій періодъ ея относится къ времени отъ XI до XIV вѣка; но и потомъ еще долго, до половины XVII столѣтія, схоластическое направленіе болѣе или менѣе преобладало во всѣхъ училищахъ Западной Европы. Предметомъ схоластики первоначально были богословіе и философія; въ первомъ главнымъ авторитетомъ служилъ Тома Аквинатскій, а въ послѣдней — Аристотель. Существенный характеръ ея заключается въ томъ, что схоластики заботились не столько о содержаніи науки, сколько о подведеніи всѣхъ знаній подъ условно-составленныя формы. Въ религіи всѣ вопросы уже рѣшены заранѣе, а потому дѣятельность ученыхъ богослововъ-монаховъ обратилась на соглашеніе знанія съ вѣрою по извѣстнымъ предписаннымъ формамъ; отсюда явились искусныя логическія опредѣленія, не касавшіяся впрочемъ сущности дѣла, а представлявшія тонкія хитросплетенія богословскихъ истинъ съ схоластическими положеніями. При рѣшеніи каждаго богословскаго вопроса употреблялись одинаковыя, опредѣленные приемы: приведемъ одинъ изъ такихъ приемовъ, извѣстный подъ именемъ вопроса (*quaestio*) и употреблявшійся у насъ въ духовныхъ училищахъ. Сначала составлялись опредѣленія и дѣленія главныхъ понятій въ вопросѣ; потомъ слѣдовалъ отвѣтъ, который также состоялъ изъ нѣсколькихъ положеній: на каждое изъ нихъ приводились доказательства, заимствованныя не изъ одного только священнаго писанія, но и часто изъ мнѣній схоластическихъ богослововъ. Затѣмъ слѣдовали возраженія, опять таки взятые не всегда изъ Священнаго писанія, а часто придуманныя самими схоластиками и поражающія своею нелѣпостью. Возраженія эти заключались отвѣтами ⁽¹⁾. При такомъ пренебреженіи къ содержанію и стремленіи къ формальному рѣшенію вопросовъ науки, въ богословіе

---

(1) «Исторія Московской Духовной Академіи», Смирнова, стр. 145.

проникали часто странныя толкованія. Такъ напримѣръ въ главѣ о договорѣ вообще, послѣ вопросовъ объ объѣтахъ, о ростѣ, о симоніи, слѣдуетъ трактатъ о договорахъ съ дьяволомъ. Ректоръ Московской Академіи, знаменитый Теофилактъ Лопатинскій, такъ опредѣляетъ и дѣлитъ это понятіе. Договоръ съ дьяволомъ есть условіе съ нимъ заключенное: онъ выражается въ колдовствѣ, суевѣрномъ предсказаніи, суетномъ поклоненіи (*vana observantia*) и въ порчѣ (1). Вслѣдствіе такого формальнаго направленія схоластики отличались страстью къ утонченнымъ изслѣдованіямъ. Напр. въ статьѣ объ Ангелахъ рѣшались такіе вопросы: гдѣ сотворены Ангелы? Могутъ ли они приводить въ движеніе себя и другія тѣла? Сколь великое по объему мѣсто можетъ занимать Ангель и т. п. (2).

Схоластическая философія употребляла тѣ же приемы и слѣдовала тому же направленію, какъ и богословіе (3). Изъ частей философіи особенно тяжелый отпечатокъ схоластики легъ на логику; стоитъ только указать для этого на множество формъ, придуманныхъ для силлогизмовъ и означаемыхъ пресловутыми условными терминами: *Barbara, Celarent, Darii, Fegio*. Мы, учившіеся еще этой бесполезной формальности, живо помнимъ, сколько тяжкой муки терпѣли отъ нея. Къ какимъ странностямъ приводила страсть къ формальной системѣ въ философіи, укажемъ примѣръ изъ изложенія метафизики. Въ трактатѣ о тѣлѣ одушевленномъ, или о душѣ, послѣ главы о душѣ слѣдуетъ трактатъ о волосахъ, который входитъ сюда потому, что признавали нужнымъ опредѣлить, есть ли въ волосахъ жизненная сила, причемъ рѣшаются и второстепенные вопросы, отъ чего у стариковъ выпадаютъ волосы, отъ чего у женщинъ не растетъ борода и т. п. (4).

---

(1) «Исторія Московской Духовной Академіи», Смирнова, стр. 150.

(2) Тамъ же, стр. 144.

(3) Кроме вышепоказаннаго приема изложенія, начинающагося съ вопроса (*quaestio*), употреблялись еще два приема: разсужденіе (*tractatum*) и преніе (*disputatio*).

(4) «Исторія Московской Духовной Академіи», Смирнова, стр. 165.

Соотвѣтственно съ такимъ безжизненнымъ направлениемъ, схоластика, усвоившая себѣ мертвый латинскій языкъ, выработала его по своему и наложила на него ту же печать тяжести: много латинскихъ словъ изобрѣтено ею, многимъ придано новое условное значеніе, такъ-что средневѣковая латынь сдѣлалась доступною только посвященнымъ въ хитросплетенія схоластики (1).

Сказаннаго о схоластикѣ мы считаемъ достаточнымъ для объясненія идеи этого направленія; желающимъ же составить болѣе подробное понятіе объ этомъ предметѣ рекомендуемъ прекрасную книгу г. Смирнова: «Исторію Московскоѣ Духовноѣ Академіи», которая служила для насъ источникомъ. Прослѣдимъ теперь далѣе направленіе ученія въ духовныхъ нашихъ училищахъ. Мы уже выше сказали, что схоластика оказала вредное вліяніе на училища, водворивъ у насъ надолго формализмъ въ преподаванія наукъ, изученіе буквы, а не духа ихъ.

Преподаваніе риторики и піитики въ нашихъ духовныхъ училищахъ служитъ разительнымъ тому доказательствомъ. Главнымъ источникомъ, при изложеніи этихъ наукъ, служили Цицеронъ и Квинтиліанъ, правила которыхъ приведены были въ строгую систему схоластиками среднихъ вѣковъ. И здѣсь система эта отличается мертвымъ механизмомъ, нисколько не способствовавшимъ развитію учащихся. Во всемъ господствовали формы, изъ которыхъ ученикъ не могъ выступать. Такъ напр. въ риторикѣ заключались правила, какъ похвалить зданіе, поле, рѣку и т. п. При похвалѣ зданію слѣдовало хвалить: мѣстоположеніе, улицу, видъ, обширность крыльца и сѣней, широту и высоту, красоту спальни, драгоцѣнность дерева, камней, разнообразіе скульптуры и украшеній. Мало того, составленъ былъ цѣлый списокъ существительныхъ и прилагательныхъ именъ, служащихъ къ похвалѣ, или порицанію, цѣлый наборъ словъ и выраженій, относящихся къ украшенію рѣчи, причемъ въ особенномъ почтѣ были мнѳологическія названія.

(1) Тамъ же, стр. 150.

Весь этот механический процесс, какъ бы въ насмѣшку, назывался главою объ изобрѣтеніи мыслей. Для выраженія ихъ были опять своего рода подмости; и здѣсь представлялись ученику готовые матеріалы: примѣры изъ исторіи, изрѣченія ученыхъ, символическія изображенія, надписи, гербы, девизы, относящіеся къ извѣстному предмету. Въ заключеніе весь этотъ хламъ располагался по правиламъ, въ предписанномъ порядкѣ и такимъ образомъ составлялось сочиненіе чисто механическое, при которомъ ученику не предстояло никакой надобности даже знать тотъ предметъ, о которомъ онъ писалъ. Къ довершенію всего скажемъ, что и здѣсь господствовалъ преимущественно латинскій языкъ; только съ половины XVIII вѣка начали допускать риторическія упражненія и на русскомъ языкѣ, хотя впрочемъ преподаваніе оставалось по прежнему на латинскомъ ⁽¹⁾.

Въ нисшихъ классахъ духовныхъ училищъ преобладалъ латинскій языкъ; кромѣ того здѣсь учили, какъ уже выше сказано, славянскому и греческому языкамъ; успѣхи въ послѣднемъ вообще были незначительны, можетъ быть потому, что на латинскій языкъ употреблялась большая часть времени, или, что еще вѣроятнѣе, потому что такъ было въ западныхъ школахъ. Для достиженія полного успѣха въ привилегированномъ языкѣ и у насъ употреблялись тѣ же средства, что на Западѣ: всѣ науки, кромѣ славянской грамматики и православнаго катихизиса, излагались на латинскомъ языкѣ; на немъ писались всѣ почти сочиненія; онъ же былъ обязательнымъ разговорнымъ языкомъ внѣ класса. Чтобы приучить учениковъ нисшихъ грамматическихъ классовъ говорить между собою по латыни, и у насъ, какъ въ іезуитскихъ училищахъ, употреблялся калькулюсъ, деревянный футляръ съ вложеннымъ въ него листомъ бумаги, на которомъ записывалось имя ученика, сказавшаго, хотя одно слово не по латыни, или и по латыни, но съ ошибкою. Сдѣлавшій такую вину получалъ футляръ и носилъ его до тѣхъ поръ, пока не провинился кто

---

(1) «Исторія Московской Духовной Академіи», Смирнова, стр. 171.